

«НИКОЛАЕВСКИЙ» УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

С. Б. Россинский, s.rossinskiy@gmail.com
Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье проводится историко-правовой анализ российской системы предварительного следствия по уголовному делу, присущей так называемому «николаевскому» периоду развития уголовной юстиции, предшествующему известной судебной реформе 1860-х гг. В частности, рассматриваются правовые основы предварительного следствия, включенные в содержание Свода законов Российской империи. Раскрываются поводы к началу предварительного следствия; определяется его двухэтапная структура. Анализируются находившиеся в арсенале полицейских чиновников познавательные-удостоверительные приемы, средства принудительного воздействия на поведение подозреваемых (обвиняемых), иные предусмотренные законом правообеспечительные и правоограничительные меры. Раскрываются различные способы собирания формальных доказательств, подлежащих дальнейшему использованию для обоснования судебных приговоров. В завершении существовавшая в «николаевской» России система предварительного следствия, несмотря на архаичность и инквизиционность, оценивается как прочный фундамент для возникновения и развития всех последующих форм досудебного производства, установленных Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года, советским уголовно-процессуальным законодательством и даже действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Ключевые слова: досудебное производство; инквизиционный процесс; история уголовного судопроизводства; предварительное следствие; Свод законов Российской империи; совершенные доказательства; формальное следствие.

Для цитирования: Россинский С. Б. «Николаевский» уголовный процесс: предварительное следствие // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26. № 1. С. 15–22. DOI: 10.14529/law260102.

Original article
DOI: 10.14529/law260102

THE "MYKOLAIV" CRIMINAL TRIAL: PRELIMINARY INVESTIGATION

S. B. Rossinskiy, s.rossinskiy@gmail.com
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article provides a historical and legal analysis of the Russian system of preliminary investigation in criminal cases, which operated during the reign of Emperor Nicholas I, that is, before the well-known judicial reform of the 1860s. In particular, the article examines the legal foundations of preliminary investigation, which were included in the content of the Code of Laws of the Russian Empire. The reasons for the beginning of the preliminary investigation are revealed. The two-stage structure of the preliminary investigation is determined. The methods of work of police officials are analyzed: cognitive and certification techniques, means of coercive influence on the behavior of suspects (accused), other legal ways of ensuring rights and restricting rights. Various methods of collecting formal evidence are revealed, which were subject to further use to substantiate court sentences. In conclusion, the system of preliminary investigation that existed in Russia in the mid-19th century, despite its archaic and inquisitorial nature, is recognized as a solid foundation for the emergence and development of all subsequent forms of pre-trial proceedings, which were established by the Charter of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864, Soviet criminal procedure legislation and even established by the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: pre-trial proceedings; inquisitorial process; history of criminal proceedings; preliminary investigation; Code of Laws of the Russian Empire; perfect evidence; formal investigation.

For citation: Rossinskiy S. B. The "Mykolaiv" criminal trial: preliminary investigation. Bulletin of the South Ural State University. Series "Law". 2026. vol. 26. no. 1. pp. 15–22. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260102.

Некоторое время тому назад вниманию юридической общественности был предложен ряд публикаций автора настоящей статьи, посвященных российскому досудебному производству как одному из важнейших этапов уголовно-процессуальной деятельности, направленному на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения для предстоящего судебного разбирательства. В первую очередь были проанализированы основные вехи и тенденции развития доктринальных, законодательных и практических подходов к организации и работе органов дознания (полиции) и предварительного следствия начиная с проведенной в 1860-е гг. Великой судебной реформы и заканчивая постсоветскими преобразованиями уголовной юстиции. Одновременно были выявлены не свойственные иностранным правовым порядкам, предопределенные множеством исторических, политических и прочих причин особенности национальной системы досудебного производства, прежде всего выраженные в наделении правоохранительных органов полицейского, квазиполицейского и даже параполицейского типов юрисдикционными полномочиями судебно-следственного характера [6; 7].

Однако в этих публикациях практически не затрагивались более архаичные формы и методы расследования преступлений. В частности, не было уделено должного внимания предшествующему Великой судебной реформе так называемому «николаевскому» периоду развития уголовной юстиции. В связи с этим, автором уже давно вынашивались замыслы, направленные на постепенное восполнение данных пробелов – в целях выявления и распознавания глубинных исторических корней российского досудебного производства. Тем более, что на сегодняшний день особого интереса к указанным вопросам со стороны других ученых не наблюдается. Некогда существовавшие в «дореформенной» России механизмы предварительного расследования (в терминологии тех лет – предварительного

следствия) обычно рассматриваются достаточно фрагментарно. К тому же их краткие характеристики преимущественно ограничиваются несколькими негативными и весьма поверхностными штампами (об ужасах инквизиционного процесса, о «бенкендорфовских» жестокостях известного Третьего отделения Императорской канцелярии, о недопустимости для цивилизованного общества попирании прав человека, о господстве доктрины формальных доказательств и т.д.). А в завершении нередко формулируются «стандартные» выводы о неизбежности и абсолютной добродетельности предпринятых «прогрессивным» императором (читай, хорошим царем) Александром II либеральных преобразований.

Согласиться со столь неодобрительным отношением к собственной истории, конечно, нельзя. Ведь, несмотря на всю архаичность свойственного «николаевской» России правового порядка, в стране имелаась абсолютно легитимная и вполне приемлемая для использования система досудебной уголовной юстиции. Существовала прокуратура; работали подразделения полиции, стряпчие [2, с. 125–126]; устанавливались четкие условия и механизмы реализации ими властных полномочий «антикриминального» характера, в том числе связанных с уголовным преследованием подозреваемых (обвиняемых) и выдвижением в отношении таких лиц соответствующих правовых претензий [1, с. 33]. Этим вопросам и посвящена настоящая статья.

А начать хотелось бы с напоминания об отсутствии в «николаевской» России кодифицированного источника уголовно-процессуального права (в терминологии того времени – формального уголовного права). Как известно, первым отвечающим всем признакам подлинной кодификации [4, с. 147–160] законодательным актом уголовно-процессуальной направленности являлся Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. До его принятия правила осуществления предварительного следствия включались в

Свод законов Российской империи – подготовленный группой опытных юристов [12, с. 179], введенный в действие в 1835 года и впоследствии претерпевший несколько редакций систематизированный мультиотраслевой сборник подавляющего большинства нормативных актов государства. Причем один из его томов – так называемый Свод законов уголовных (далее – СЗУ) – специально посвящался вопросам борьбы с преступностью. Он состоял из двух самостоятельных книг (частей): в книгу 1 включались нормы материального уголовного, а в книгу 2 – формального уголовного права.

Таким образом, книга 2 СЗУ, по сути, была упорядоченной совокупностью положений различных, появившихся в те или иные периоды отечественной истории источников уголовно-процессуального права: от принятого во время царствования Алексея Михайловича Соборного уложения до более поздних нормативных документов, обязанных своим возникновением правотворческой политике Петра I, Екатерины II, Александра I [9, с. 3]. К слову, многие из включенных в ее содержание статей являлись квинтэссенциями однородных, но свойственных разным этапам развития российской государственности правил уголовного судопроизводства [5, с. 238]. А вытекающие из книги 2 СЗУ общие подходы к уголовной юстиции предполагали изрядную степень преемственности по отношению к германскому инквизиционному процессу начала XIX века [10, с. 34; 11, с. 736].

В соответствии с СЗУ предварительное следствие являлось первым этапом уголовного судопроизводства. Оно проводилось полицией и сводилось к надлежащему расследованию всех имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, в том числе к собиранию доказательств, способствующих изобличению виновного в совершении преступления человека [3, с. 124].

Поводами к началу следствия согласно положениям гл. 1 разд. 2 книги 2 СЗУ считались извещения (в современной терминологии – заявления), жалобы, доносы, доношения прокуроров и стряпчих, а также явки с повинной. Кроме того, полиции належало приступать к следствию и в иных случаях, связанных с усмотрением в неких обстоятельствах явных либо еще не вполне очевидных признаков преступления. При этом, исходя из смысла закона, основные критерии для дифференци-

ции поводов к началу следствия сводились к разнице в источниках получения и содержания получаемых полицией сведений. Так, извещением считалось сообщение, направленное «посторонним», то есть лично не пострадавшим человеком – ввиду прямо возложенной на каждого добропорядочного члена социума обязанности «доводить до сведения надлежащего начальства об известных ему признаках учиненного преступления». Кстати, особой вариацией извещения признавался и «народный голос» (молва) – в отличие от других извещений данный повод сам по себе не вызывал потребности в проведении следствия, однако полиции рекомендовалось уделять подобным слухам особое внимание в целях возможного выявления более «осязаемых» признаков соответствующего преступления. В свою очередь, под жалобой надлежало понимать сообщение «истца», то есть пострадавшего от преступления человека, о причиненном ему материальном либо ином ущербе, сопровождаемое детальным описанием похищенного имущества и (или) подробной характеристикой прочих негативных последствий.

Доносом считалось прямое, «основанное на явных и точных доказательствах» обвинение кого-либо в преступлении, а обязанность доносить возлагалась на каждого осведомленного о криминальном поведении какого-либо известного ему человека. Правда, существовали и некоторые исключения – полиции запрещалось принимать доносы детей на родителей и крепостных крестьян на своих господ, а также доносы от лишенных в судебном порядке всех прав состояния; кроме того, говорилось о недопустимости анонимных доносов («безымянных пасквилей и подметных писем») и т.д. Явкой с повинной признавалось добровольное сообщение человека в суд или полицию о совершенном им преступлении.

Доношения прокуроров и стряпчих обусловливались возложенными обязанностями по выявлению признаков преступлений из доходивших до их сведений о нарушениях законодательства и прочих противоправных действиях. Причем для решения подобных задач они наделялись рядом государственно-властных полномочий квазиследственного характера. А за ненадлежащее исполнение данных обязанностей прокуроры и стряпчие подлежали строгой ответственности вплоть до возмещения всех расходов, убытков и даже

лишения занимаемых должностей. По смыслу закона схожие обязанности возлагались и на саму полицию, призванную выявлять и раскрывать латентные либо иные не попадающие в предмет извещений, жалоб и доносов деяния, а «положительные» результаты этой работы считать собственным усмотрением явных или еще не вполне очевидных признаков преступлений.

Предварительное следствие по уголовному делу условно подразделялось на два этапа, скорее, даже на два компонента: «прелиминарное» следствие и формальное следствие [8, с. 52–53]. По мнению С. А. Голунского, подобное деление в целом соответствовало общепринятой в розыском процессе дифференциации на общее расследование (*inquisitio generalis*) и специальное расследование (*inquisitio specialis*), а моментом привлечения определенного лица к уголовной ответственности надлежало считать переход от одной формы следствия к другой [2, с. 128]. Каждому из них были свойственные определенные досудебные задачи; каждый из них характеризовался совокупностью определенных действий, решений, прочих предусмотренных СЗУ приемов работы полиции и других вовлеченных в производство по делу лиц.

«Прелиминарный» этап в соответствии с положениями отд. 1 гл. 2 разд. 2 книги 2 СЗУ сводился к деятельности полиции (до ее прибытия на место – ближайших сельских начальников), состоящей в незамедлительном реагировании на поступивший «сигнал» о преступлении и принятии безотлагательных мер, направленных на выявление и раскрытие преступления, на розыск и задержание потенциального обвиняемого, на избрание в отношении него меры пресечения, на предварительное выяснение обстоятельств случившегося, на сохранение предрасположенной к искажению либо утрате информации и т.п. Я. И. Баршев писал о «прелиминарном» следствии (автор называл его предварительным) как о предварительном и приговорительном исследовании первых поводов и причин процесса, направленном на убеждение в их справедливости, на выдвигание рабочей версии о наличии состава преступления, на предварительное установление обстоятельств случившегося, а также на собирание улик, подтверждающих виновность лица в его совершении [1, с. 76]. Другими словами, эта деятельность являлась воплощением «классических» поли-

цейских функций в уголовном процессе, в связи с чем отдаленно, но достаточно отчетливо напоминала более поздние формы «неполнообъемной» работы органов дознания, в том числе предусмотренное ст. 157 нынешнего Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) производство неотложных следственных действий.

Так, полиции либо временно замещающим ее должностным лицам в каждом случае получения первоначальных сведений о признаках преступления, в том числе вытекающих из добровольного признания подозреваемого, надлежало устанавливать наличие данного деяния и связанные с ним обстоятельства. В частности, требовалось обнаруживать, воспринимать и фиксировать материальные следы произошедшего: обстановку места происшествия, найденные в его пределах предметы либо их отображения на других предметах и т.д. Кроме того, предписывалось устанавливать и опрашивать «потребных для достоверного свидетельства» очевидцев случившегося, осуществлять иные поисково-познавательные и удостоверительные приемы. В случае потребности в обнаружении скрывающихся преступников, «беглых» людей, а также имеющих значение для уголовного дела предметов, документов или ценностей дозволялось производить обыски в домах (квартирах); для внепоискового изъятия подобных предметов, документов или ценностей надлежало ограничиваться их выемкой (гл. 3 разд. 2 книги 2 СЗУ).

Существовали и специальные правила проведения первоначальных исследований, обусловленные спецификой отдельных видов преступлений и соответствующих механизмов следообразования. Такие особенности предусматривались для установления обстоятельств «смертоубийств» и отравлений, подделок документов, подлогов, преднамеренных банкротств и хищений имущества (отд. 2 гл. 2 разд. 2 книги 2 СЗУ). Эти особенности характеризовались потребностями в привлечении несвойственных расследованию других преступлений участников (например, медицинских чиновников – для исследования трупа), в установлении дополнительных обстоятельств (например, права собственности на похищенное имущество) и т.д.

Особое место занимали предусмотренные гл. 4 разд. 2 книги 2 СЗУ полномочия полиции, направленные на задержание потенци-

ального обвиняемого и его доставление для участия в уголовном деле («взятие и представление обвиняемого к следствию»). К использованию подобных возможностей дозволялось прибегать с большой осторожностью, лишь при наличии явных и достаточно сильных подозрений в совершении лицом преступления, осознавая всю полноту ответственности за незаконность произведенного задержания, в том числе ошибочное задержание другого человека. Одновременно полиция наделялась полномочиями по розыску скрывающихся обвиняемых («отысканию обвиняемых, коих пребывание неизвестно»), а также по их принудительным приводам – в случаях уклонения от участия в предварительном следствии.

Кроме того, существовали достаточно эффективные принудительные механизмы предупреждения реализации подобных противоправных намерений («пресечения обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда»), во многом напоминающие современные меры уголовно-процессуального пресечения. В соответствии с положениями гл. 5 разд. 2 книги 2 СЗУ таковыми являлись: а) содержание в тюрьме; б) содержание при полиции; в) домашний арест; г) полицейский надзор; д) отдача на поруки. При этом устанавливалась достаточно четкая зависимость подлежащей использованию в отношении конкретного человека принудительной меры от тяжести инкриминированного деяния. Так, в тюрьмах преимущественно содержались обвиняемые в наиболее тяжких преступлениях: «смертоубийствах», разбоях, кражах и т.п. Хотя эту же меру дозволялось применять и в отношении прочих не взятых на поруки лиц. Содержание при полиции являлось специфической мерой принуждения – ее использование допускалось лишь в некоторых губерниях и лишь в отношении уличенных в пьянстве и тому подобных антисоциальных проступках людей. Домашний арест и полицейский надзор избирались в отношении обвиняемых в мере тяжких деяний. А отдавать лицо на поруки надлежало по уголовным делам о не тяжких преступлениях и в случаях предоставления таким лицом надежных поручителей, готовых взять на себя ответственность за его надлежащее поведение, поручиться об отсутствии у него намерений скрываться и уклоняться от явки в полицию или суд.

Формальный этап предварительного следствия – формальное следствие состояло в собирании доказательств (не улики, а именно формально (!) признаваемых доказательствами информационных активов), в их проверке и оценке, в окончательном установлении всех обстоятельств и деталей случившегося, в формировании на основе накопленных сведений позиции обвинения, в подготовке и направлении материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд. Другими словами, в отличие от «прелиминарного» этапа формальное следствие сводилось к более камеральным механизмам работы полиции, было связано с потребностями в более серьезных размышлениях и умозаключениях. Кроме того, невзирая на общую инквизиционность российского уголовного процесса, предполагались отдельные компоненты состязательности и всесторонности исследования подлежащих установлению обстоятельств – обвиняемым предоставлялись некоторые возможности, позволяющие «быть услышанными», то есть оказывать посильное влияние на исход уголовного дела. Я. И. Баршев писал о формальном следствии как о производстве в отношении известного лица, которое в ходе предварительного («прелиминарного») следствия оказывалось «довольно подозрительным», в связи с чем могло быть введено в состояние обвиняемого. Он же увязывал содержание этой деятельности с действиями, направленными против известного и признанного обвиняемым лица в целях обеспечения возможности окончательного установления его виновности в преступлении, степени его вины и потребности в назначении ему наказания [1, с. 76]. И таким образом, формальное следствие во многом являлось воплощением не столько полицейских, сколько «классических» следственных функций – в определенной степени было уподоблено возникшим позднее известным процессуальным механизмам работы органов предварительного следствия, в том числе предусмотренной положениями УПК РФ современной национальной модели предварительного следствия.

Как справедливо отмечал С. А. Голунский, никаких официальных актов, обуславливающих начало формального следствия, не предусматривалось [2, с. 128]. Имелось лишь правило, позволяющее «брать кого-либо для допроса и исследования только в случае, ко-

гда улика в преступлении основана на обстоятельстве, возбуждающих сильное подозрение».

В соответствии со ст. 882 СЗУ его (формальное следствие) надлежало производить «со всевозможной скоростью» и завершать в месячный срок, включая воскресные и праздничные дни. А продление данного срока допускалось лишь по уважительным причинам. Причем неустановление «оговоренного» соучастника при наличии «главного обвиняемого» к таковым причинам не относилось. В отличие от «прелиминарного» этапа предназначение формального следствия было связано с потребностью в максимально полном и детальном установлении всех обстоятельств случившегося, предопределенных классической древнеримской формулой юридического познания: «*Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?*» (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?) и обуславливающих возможность должного разрешения соответствующих дел.

В ходе формального следствия согласно ст. 883–885 СЗУ полиции предписывалось «обнаруживать и приводить в совершенную известность» пострадавших от преступления лиц, предмет посягательства, время, место, способ совершения конкретных преступных действий и другие обстоятельства, способствующие прояснению произошедшего события и виновности обвиняемого. Требовалось «приводить обстоятельства дела в такую ясность и полноту, что бы Судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по оному приговора», проявляя внимание к расследованию более важных преступлений. Одновременно не допускалось включать в предмет следственных изысканий бесполезных, лишь замедляющих работу полиции «незначительных подробностей».

Формально-следственными средствами доказывания признавались собственные признания обвиняемых, письменные доводы, личные осмотры следов преступлений и подтверждающих его совершение вещей, показания сведущих людей, показания свидетелей, повальные обыски и очные ставки и оговоры, а способами их собирания – соответствующие познавательные-удостоверительные приемы, порядок осуществления которых предусматривался гл. 2–3 разд. 3 книги 2 СЗУ. При этом особое внимание законодателя уделялось пра-

вилам проведения полицейских допросов обвиняемых. В частности, четко определялся порядок их производства, устанавливались последовательность и содержание задаваемых вопросов. Одновременно рекомендовалось побуждать допрашиваемых к признаниям не столько строгостью, сколько «кроткостью и увещаниями», запрещалось «чинить пристрастные допросы», прибегать к жестокости, к истязаниям обвиняемых. Иными словами, требовалось устанавливать истину посредством тщательных расспросов, внимательного наблюдения, подробного вникания в сообщаемые сведения, уразумения взаимосвязи слов и действий лица. А в случаях важности обвинения или явного нежелания обвиняемого давать показания предлагалось обращаться за «увещательным» содействием к священникам либо вообще ограничиваться фиксацией подобных «упорств в ответах» и изыскивать другие способы доказывания.

Достаточно важную роль в установлении имеющих для уголовного дела обстоятельств играли формально-следственные допросы свидетелей – «всяких лиц как мужского, так и женского пола, имеющих здравые физические чувства и рассудок для познания предмета, о котором требуются их свидетельства, когда нет причин предполагать, что показания будут не верны». К слову, священнослужители подлежали допросу на общих основаниях. Вместе с тем многие иные социальные группы в силу ряда причин к свидетельству под присягой не допускались. К таковым относились малолетние, психически нездоровые, глухонемые, совершившие тяжкие преступления, ранее уличенные в лживости присяги и другие категории лиц. Кроме того, некоторых людей запрещалось допрашивать в качестве свидетелей ввиду их небеспристрастности, обусловленной обстоятельствами уголовного дела. А крепостных крестьян, вольноотпущенных и прочих зависимых от обвиняемых лиц дозволялось допрашивать в отношении своих хозяев лишь ввиду недостаточности прочих свидетелей. Одновременно устанавливались некоторые гарантии обеспечения доброкачества свидетельских показаний, среди которых особое место занимали очные ставки и присяги. Исходя из потребностей правоприменительной практики существовала и возможность допросов сведущих лиц (в современном понимании – экспертов или специалистов), обладающих специальными по-

знаниями – «особенными сведениями или опытностью в какой-либо науке, искусстве или ремесле».

В качестве иных формально-следственных способов собирания доказательств предусматривались представления и истребования письменных доказательств (документов), нередко сопровождаемые исследованиями подлинности присущих им реквизитов (почерков, подписей, оттисков печатей). Кроме того, допускались личные осмотры полицейскими чиновниками следов преступлений и подтверждающих их совершение вещей – познавательные приемы, уподобленные современным осмотрам и прочим визуальным исследованиям материальных объектов. И наконец, в целях установления известных большинству населения какой-либо местности обстоятельств допускались формально-следственные повальные обыски. Они могли быть малыми, – сводящимися лишь к допросам ближних окольных людей, и большими, – предполагающими допросы и ближних, и дальних окольных людей.

По завершении формального следствия любое уголовное дело – независимо от установления подлежащего привлечению к уголовной ответственности человека, его изобличения в произошедшем деянии и даже независимо от его пребывания среди живых – подлежало незамедлительному направлению в должное Судебное место (в суд). Правда,

при невозможности рассмотрения такого дела по существу ввиду отсутствия обвиняемого и недоказанности его виновности дальнейшее судебное производство надлежало

сводить лишь к ревизии порядка (в современной терминологии – проверке законности) осуществленного расследования, тогда как в иных случаях – в условиях предполагаемой судебной перспективы с постановлением приговора – требовалось проведение судебного заседания. Отдельно говорилось о неправомерности требования от полицейских следователей каких-либо мнений или заключений по направляемым в суды делам (ст. 1006 СЗУ) – эти вопросы подлежали разрешению самими судами.

На основании вышеизложенного можно с полной уверенностью оценивать предварительное следствие «николаевской» России как прочный фундамент для возникновения и развития всех последующих форм досудебного производства. Именно присущие ему (предварительному следствию) механизмы, несмотря на свою архаичность и инквизиционность, предопределили вектор интенсификации дознавательской и следственной деятельности на многие десятилетия вперед – оказали серьезное влияние на соответствующие положения Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года, раннесоветского и позднесоветского уголовно-процессуального законодательства, а также современного УПК РФ. В любом случае они оставили неизгладимый след в истории отечественного уголовного процесса, в связи с чем заслуживают пристального внимания со стороны современных ученых и требуют серьезного осмысления всеми специалистами, намеревающимися внести определенную лепту в теоретические основы и нормативную базу досудебного производства по уголовному делу.

Список источников

1. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. 240 с.
2. Голунский С. А. Право на справедливость. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 608 с.
3. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства: сочинения П. Дегай. Санкт-Петербург: типография Министерства государственного имущества, 1847. 326 с.
4. Кабрияк Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. 476 с.
5. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Издательство Московского университета, 1956. 271 с.
6. Россинский С. Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.
7. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Вып. 3. Т. 12. С. 621–642.

8. Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: типография Карла Крайя, 1852. 311 с.
9. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Издательство М. М. Зив, 1914. Вып. I. 306 с.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. Т. 1. 552 с.
11. Чельцов-Бebutov М. А. Курс советского уголовно процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Санкт-Петербург: Равена, Альфа, 1995. 846 с.
12. Чучаев А. И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 12. С. 172–185.

References

1. Barshev Ya. I. *Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings applied to Russian criminal proceedings]. Moscow, 2001, 240 p.
2. Golunskiy S. A. *Pravo na spravedlivost'* [The right to justice]. Moscow, 2024, 608 p.
3. Degay P. I. *Vzglyad na sovremennoe polozhenie ugovnogo sudoproizvodstva: sochineniya P. Degaya* [A look at the current state of criminal justice: the writings of P. Degai]. St-Petersburg, 1847, 326 p.
4. Kabriyakh R. *Kodifikatsii* [Codifications]. Moscow, 2007, 476 p.
5. Polyanskiy N. N. *Voprosy teorii sovetskogo ugovnogo protsesssa* [Questions of the theory of the Soviet criminal procedure]. Moscow, 1956, 271 p.
6. Rossinskiy S. B. [The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of various types of criminal proceedings]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2023, no. 4, pp. 58–65. (in Russ.)
7. Rossinskiy S. B. [The system of pre-trial proceedings in the criminal process of the Russian Federation: factors of formation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Right]*, 2021, Vyp. 3, Vol. 12, pp. 621–642. (in Russ.)
8. Stoyanovskiy N. I. *Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugovnomu sudoproizvodstvu* [A practical guide to Russian Criminal justice]. St-Petersburg, 1852, 311 p.
9. Gernet M. N. *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva: sistematischeskiy kommentariy* [The Statute of Criminal Proceedings: systematic commentary]. Moscow, 1914, Vyp. I, 306 p.
10. Foynitckiy I. Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal justice course]. St-Petersburg, 1996, Vol. 1, 552 p.
11. Chel'tsov-Bebutov M. A. *Kurs sovetskogo ugovno protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo protsesssa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaznykh gosudarstvakh* [The course of Soviet criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states]. St-Petersburg, 1995, 846 p.
12. Chuchaev A. I. [The development of criminal legislation in the XVIII – first quarter of the XIX century: the struggle for the identity of Russian law]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2024, no. 12, pp. 172–185. (in Russ.)

Информация об авторе

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Laws, professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

*Поступила в редакцию 12 сентября 2025 г.
Received September 12, 2025.*